“опыт моей жизни — большая ошибка”

Александр Сокуров — **Газете**

Самый знаменитый мэтр отечественного «авторского кино» Александр Сокуров завершил съемочный период своего нового фильма «Солнце» (рассказ об императоре Хирохито продолжает цикл, начатый картинами «Молох» и «Телец»), а также объявил о намерении поставить в Большом театре «Бориса Годунова», а в Ла Скала — «Хованщину». Об этом и о многом другом с Александром Сокуровым в Петербурге беседовал Антон Долин.

«раздраженная реакция части людей возможна»

На каком этапе сейчас работа над фильмом «Солнце»?

Мы закончили съемки, на 80% завершили работу по монтажу фильма. Сейчас идет аналог монтажа с точки зрения драматургии, разработка музыкально-шумовой партитуры. Завершается работа над той частью изображения, которая создается с помощью компьютерных технологий. Эта часть не очень велика, но она довольно сложная. Речь идет об эпизоде бомбежки Токио американской авиацией. Воссоздавали мы это по кинохронике, которая не в большом объеме, но есть, и по фотоматериалам, которые у нас были в Токио. Это оказалось тяжелой работой, потому что создать органичное и понятное изображение с помощью компьютера очень сложно: обычно это фокусы разного рода. Комфортные, красивые, ловкие операции. Как правило, компьютерное изображение драматургически неинтересно, оно неэтично и неэстетично. Попытка найти этический эквивалент изображению — большая сложность: как показать трагедию, гибель людей и города, при этом не перешагнуть этических норм...

Неужели компьютерное изображение всегда неэтично? И «Властелин колец», к примеру, тоже?

Я имею в виду работу некоммерческого, художественного характера. В рамках художественной задачи это большая проблема. Если говорить о коммерческом, условно говоря, «нетехнич» использовании, где все возможно и все дозволено... Нет, я даже обсуждать это не могу: я мало в этом понимаю. Не мой предмет. Но в художественном контексте — это очень сложно. Все равно, что заявлять, что ты был свидетелем того, чего свидетелем ты не был. Все, что связано с достоверностью, с воссозданием на экране катастрофы, атмосферы войны, мучений людей, — это всегда большая проблема для меня. Я не знаю фильма, где показ войны был зычен. Поскольку мне кое-что доводилось видеть самому, я должен сказать, что кино все время делает комплименты действующим и войне, гуманизирует процесс разрушения. Иллюстрация смерти делает ее процессом постижимым, а это всегда плохо.

› стр 06

портрет

“опыт моей жизни — большая ошибка”

И в последней главе, «Фаусте», возникнет четвертая фигура — после Гитлера, Ленина и Христа?

Там будет много фигур. Условно говоря, должна быть музыкальная картина, вероятно, с большим количеством музыки Штрауса, очень радостная и светлая. С запахом шоколада, я бы сказал. Кто пишет сценарий, еще неизвестно, я не знаю, будет ли свободен Юра Арабов — он все же серьезный писатель, а не сценарист, времени на книги у него мало. Пишем, это впереди. Называется «Фауст», в основе — Томас Манн и Гете.

В разных и разнонаправленных линиях вашего творчества именно цикл, посвященный разным образам власти, в наибольшей степени связан с проявлениями юмора и иронии...

Элементы юмора присутствуют во всех моих картинах в той или иной степени, но с иронией у меня наименее мирные отношения. Иногда я тяжело воспринимаю иронию в сценариях Юрия Николаева — когда ирония тотальна, великолепно литературна и это не всегда перносимо на экране. Я старался, чтобы ирония никогда не была основным мотивом картины. У меня немного другие принципы вхождения в героя и существования рядом с ним. Я должен относиться к своему персонажу честно. Ирония допустима лишь в том случае, если сам герой позволяет таким образом на себя посмотреть.

Наверное, в случае с Хирохито это более резонно, чем в случае Ленина или Гитлера?

Возможно. Это более пластичный герой, он сложнее. Кроме того, он первый из наших персонажей, кто по определению был обречен на власть. Это очень важно, близок за власть человек или нет, что он сделал, чтобы власть получить. В случае Хирохито она получена по судьбе. В этом смысле монархия — очень важный институт власти, гораздо более соответствующий требованиям нравственности, тем более если он обрамлен «демократическими» институтами.

Ваша тетралогия — отчасти способ коммуникации между властью в разных ее мифических обличиях и народом, то есть публикой. Где в этой коммуникации место художника, автора?

Мне кажется, автор не может быть не увеличительным зеркалом, ни указкой. Я из черезы читающих, смотрящих и думающих людей, нечем не отличающийся от других... Исключительность свою поддерживать и думать о ней не в моем случае нельзя. У меня есть определенное точка зрения, простая: я считаю, что власть не от Бога, что это не божественный промысел. Никакого Дьявола в мире нет, есть человек и Бог. Все, что делает человек, делает человек.

Нет границ преступности человека, и это проблема человеческая, наша беда. Главная инструментом, с помощью которого что-либо совершается, является человеческий характер, остальное — инструменты или случайные вещи.

Вам кажется, что нетактичность выражается скорее в отношении материала ваших фильмов, нежели в отношении вашей работы?

Конечно. Слишком много концентрируется в конкретном человеке по фамилии Гитлер или по фамилии Ульянов... Для меня это главы одной книги.

Что последней главе, «Фаусте», возникнет четвертая фигура — после Гитлера, Ленина и Христа?

Там будет много фигур. Условно говоря, должна быть музыкальная картина, вероятно, с большим количеством музыки Штрауса, очень радостная и светлая. С запахом шоколада, я бы сказал. Кто пишет сценарий, еще неизвестно, я не знаю, будет ли свободен Юра Арабов — он все же серьезный писатель, а не сценарист, времени на книги у него мало. Пишем, это впереди. Называется «Фауст», в основе — Томас Манн и Гете.

В разных и разнонаправленных линиях вашего творчества именно цикл, посвященный разным образам власти, в наибольшей степени связан с проявлениями юмора и иронии...

Элементы юмора присутствуют во всех моих картинах в той или иной степени, но с иронией у меня наименее мирные отношения. Иногда я тяжело воспринимаю иронию в сценариях Юрия Николаева — когда ирония тотальна, великолепно литературна и это не всегда перносимо на экране. Я старался, чтобы ирония никогда не была основным мотивом картины. У меня немного другие принципы вхождения в героя и существования рядом с ним. Я должен относиться к своему персонажу честно. Ирония допустима лишь в том случае, если сам герой позволяет таким образом на себя посмотреть.

Наверное, в случае с Хирохито это более резонно, чем в случае Ленина или Гитлера?

Возможно. Это более пластичный герой, он сложнее. Кроме того, он первый из наших персонажей, кто по определению был обречен на власть. Это очень важно, близок за власть человек или нет, что он сделал, чтобы власть получить. В случае Хирохито она получена по судьбе. В этом смысле монархия — очень важный институт власти, гораздо более соответствующий требованиям нравственности, тем более если он обрамлен «демократическими» институтами.

Ваша тетралогия — отчасти способ коммуникации между властью в разных ее мифических обличиях и народом, то есть публикой. Где в этой коммуникации место художника, автора?

Мне кажется, автор не может быть не увеличительным зеркалом, ни указкой. Я из черезы читающих, смотрящих и думающих людей, нечем не отличающийся от других... Исключительность свою поддерживать и думать о ней не в моем случае нельзя. У меня есть определенная точка зрения, простая: я считаю, что власть не от Бога, что это не божественный промысел. Никакого Дьявола в мире нет, есть человек и Бог. Все, что делает человек, делает человек.

Нет границ преступности человека, и это проблема человеческая, наша беда. Главным инструментом, с помощью которого что-либо совершается, является человеческий характер, остальное — инструменты или случайные вещи.

Вам кажется, что нетактичность выражается скорее в отношении материала ваших фильмов, нежели в отношении вашей работы?

Конечно. Слишком много концентрируется в конкретном человеке по фамилии Гитлер или по фамилии Ульянов... Для меня это главы одной книги.

Внешний мир тоже, наверное, воздействует на замысел?

В меньшей степени. Меня не удивляли несколько не чеченская война, не сдвинущая

Александр Сокуров — **Газете**

Фотограф: Никита Инфантьев

тое сентября — как будто я много раз это слышал и видел.

А «Норд-Ост», Беслан — не испытывается какого-то «ах»?

Нет. Удивлять тут может только степень немудрости и непрофессиональности тех людей, задачей которых является предотвращение этого всего. Определенную группу людей загнали в угол, и они теперь могут не останавливаясь совершать подходящие преступления. Я понимаю, почему это, я понимаю, что будет еще страшнее. У меня вызывает только печаль, что этого не понимают люди, у которых в руках власть и которых так мало думают.

Какими могут и должны быть в сегодняшних обстоятельствах, в частности в России, взаимоотношения художника с властью?

Мне кажется, глупо, когда изначально существует установка на конфронтацию-ность этих отношений. Власть — это и стратегическая политика, и социальные процессы, и взаимопомощь... Тут все непросто. Конфликтность может возникать на уровне стратегической политики, которая может создавать тяжелые условия жизни. Живя в Петербурге, я вижу, в каком катастрофическом состоянии город в социальном смысле. Я думаю, и у вас тоже нет вопросов о том, что происходит на Кавказе. А что делать в Петербурге, где огромное количество лишних пенсионеров и с каждым годом все больше дичает молодежь? Общество не очень умное у нас, к сожалению, в социально-политическом смысле, оно неумное и неталанливое. Это очень плохо...

Вот вы на выборы пойдете — будете в камеру говорить, за кого голосуете, и тем самым призываете других к тому же?

Если я согласюсь, чтобы мне публично задали этот вопрос, я публично отвечу, за кого голосую, — этим правилам надо следовать... Если говорить об ответственности — вот, к примеру, в последние время у меня постоянно идут телефонные разговоры с нашим губернатором Матвиенко по очень простым вопросам: ситуация вокруг одной из школ города, которая закрывается; проблема, как помочь жильем одной женщине-дворнику, которая родила ребенка и которой негде жить. Это происходит оттого, что мне обращаются за помощью. В девяти случаях из десяти я отказываюсь помогать, потому что ничего не могу сделать. Когда я получил звание народного артиста России, стало тяжелее. Ко мне стали обращаться намного чаще, но я по-прежнему мало что могу. В ответ на мои просьбы губернатор старается всех как-то помочь. Но я начинаю думать, что у нас возможности ограничены. В стране существует такой затейливый, такой несовершенный механизм власти: настольно ржавые инструменты и столько людей, раздраженных и злых, включены в осуществление власти, что иногда распоряжение, которое дает губернатор, что спасется, не доходит до адресата. Мне кажется — если это возможно, оказать воздействие на решение таких вопросов, но не политических, потому что в вопросах политических каждый человек ответственен, и мне никто не слушает. Что бы я ни говорил по вопросам национализма, фашизма пуэтому надо очень внимательно относиться к тому, что говорят сосредоточенные. Родители нацизм — он теперь уже никуда не денется, остаканится навсегда... Я не собираюсь ничего ничему учить и не уверен, что прав, — может, и не прав. Но пока противоположные точки зрения меня не убеждают. Все вокруг определяет характер человека, стихия характера. Нет никаких закономерностей, никакого закона, никакого, никаких советников, никакого института и мелкие, неправильность чинах: не доделав всего, начинаю говорить о частях. Мне бы хотелось, чтобы зрители отказались к историческому процессу более гуманистично и персонифицированно. Для меня исторический процесс — в судьбе конкретного человека... Существует только человеческий характер, остальное — инструменты или случайные вещи.

Вам кажется, что нетактичность выражается скорее в отношении материала ваших фильмов, нежели в отношении вашей работы?

Конечно. Слишком много концентрируется в конкретном человеке по фамилии Гитлер или по фамилии Ульянов... Для меня это главы одной книги.

«степень откровенного цинизма у нас за пределами всяких оценок и критериев»

Критики сравнивали «Молох» и «Телец», возникшая тема «Солнца». С появлением третьей части, «Солнце», начнет выясняться общий сюжет тетралогии, станет видна эволюция?

Это очень серьезный вопрос. Я сразу хочу сказать, что Светлана сделала серьезную работу, и такие фильмы складываются по внутренним побудительным мотивам. Режиссер не может все время отслеживать. Ты делаешь так не потому, что ты такой заумный, или такой эгоист, или такой высокомерный. У тебя просто так складывается, так идет.

Но вы сетуете на то, что люди недостаточно высоко оценили, что вы делаете...

Я не жалуюсь, я говорю об этом как о факте. Совершенно необязательно, что он меня огорчает. Нет, значит, нет. Я слишком незначительное существо в жизни, чтобы не учитывать, что это вполне может быть кому-то не по плечу.

Куда интересное резонанс от художественного высказывания, чем от любого, даже самого откровенного, интервью. Для этого время нужно. Критерий — только время. Кому-то понравится картина Светланы, а через некоторое время, может, она останется, а «Русского ковчега» не будет. Там у нее такие особенные человеческие натуры! Ценность — в поиске эмоций. А Бродский тоже не публичен. Художественное высказывание — больше противоречий, чем в «Хованщине», с точки зрения сюжета трудно найти. Там есть ваши друзьяприятели, которые трудно во что-то складываются. Вокруг российского искусства XX века много наслоений послереволюционного толка, и мне это не очень нравится. Так же, как мне не очень нравится, когда делаются излишние акценты на религиозно-православной мотивации. Совсем не нравится. То же самое, как в еврейской теме, когда все сваливается в кучу, и страшная трагедия народа превращается в заработок для американских удачливых кинорежиссеров. На самом деле их не волнует жертва народа. С религией в искусстве надо обращаться нежно.

Все же православие сейчас в России в другом положении — это своего рода «правящая религия»...

Самым правильным в этой ситуации была бы такая позиция: пусть государство сказ-ка-ет, что это возможно, оказать воздействие на решение таких вопросов, но не политически, потому что в вопросах политических каждый человек ответственен, и мне никто не слушает. Что бы я ни говорил по вопросам национализма, фашизма ухо, а никогда не слышал никакой обсуждения рефлексии на эту тему. Я не чувствую, что являюсь человеком, чье мнение влияет на общественное мнение. Я частное лицо, которое занимается каким-то тем же кинематографом, каким-то автором кино, которое в России на самом деле мало кто видит и ухо.

Ну, это не правда.

Правда, правда, правда... Поэтому чем говорить, что как режиссер я должен воздействовать на политику, лучше скажу, что могу участвовать только в конкретных судьбах людей — мне не жалко времени.

Возьмем «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура: смотря его, я в основном думал о невозможности сделать такой фильм в России, на российском материале. Вы же в том числе и документалист. Вам не было бы в порядке эксперимента любопытно сделать что-то подобное? Вы ведь, кстати, делали картину с участием Ельцина... А про Путина не хотите?

Мне было бы это совсем не интересно. Механизмы этих проблем в Штатах и у нас все различаются. Степень откровенности цинизма, с которым совершаются какие-то

Американский актер Роберт Дуссон (в центре) снялся в фильме «Солнце» в роли генерала Макартура

ных в Чечне — как, скажем, Пана Сотной сходит бойкому корреспонденту Кусову сплами НАТО, в число которых входили и итальянцы...

Место католической интеллектуальной элиты — особенное. У нас нет этой духовной религиозной элиты. Есть элита административно-служебная, церковная. Это все признаки кожевнического общества. Россия — кожевническое общество. Все вопросы высокость. Как нет таланта к созиданию, так нет таланта к созданию социума. Политические талантливых людей в России так мало, что, кажется, их нет вовсе.

Как вы, человек не вылезающий из постоянной творческой работы, можете говорить об отсутствии созидательного таланта?

Потому что я вижу, что происходит вокруг. Я вижу, что общество развивается по кожевнику, его жизнь развивается случайно. Меня это устраивает. Меня совсем не устраивает то, какое значение сегодня имеет английский язык для России. Не устраивает, что для молодежи нет места в жизни... Для молодежи место должно быть предоставлено. Посмотрите, где проводит время студенчество молодежь. Посмотрите, где не нет; — в театрах, в кинематографе, на выставках, среди читателей серьезной литературы. За очень небольшим исключением. А это первый показатель нездорового общества. Подростки и молодежь — бич страны.

Это не совсем так, и не вводя так. В Москве стоит сходить в кино на арт-хаусный фильм. Или в театр, и можно увидеть множество молодых людей...

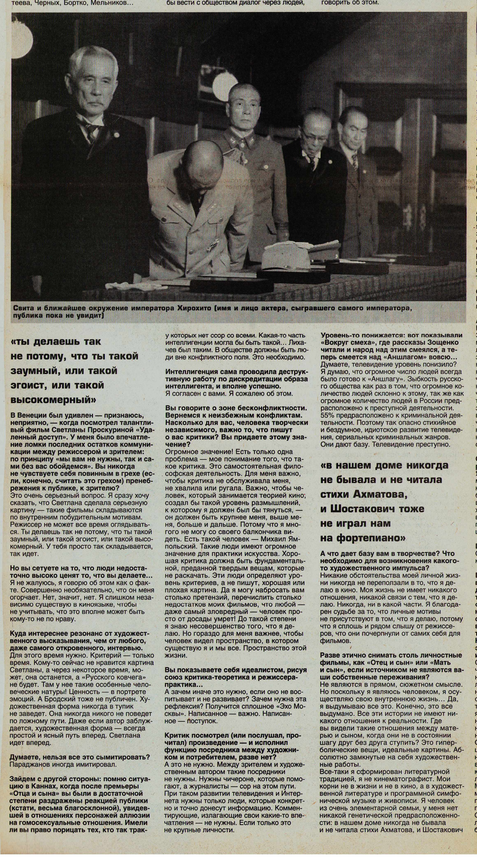
Их очень мало. И городах важнее то, что происходит за пределами Москвы и Петербурга, а там просто беда. Страна, которая состоит из одного города, — это уродское большой существо. У нас есть только московское телевидение, только московская пресса, только московское политическое сообщество.

Это связано с политической ситуацией.

Не только — это отражает реалии. Посмотрите на уровень культуры Краснодарского края, посмотрите, что происходит в Свердловской области, да и в Московской — что это такое! Даже если говорить о Петербурге, в могу со всей ответственностью сказать: это один из самых провинциальных городов России. Мы шаг не можем ступить здесь без Москвы. Технологий и специалистов у нас нет — даже по элементарным вопросам. Вот сейчас начинаем обработку картины — куда едем? В Москву.

Два лучших режиссера страны — вы и Алексей Герман — работают на «Ленфильме».

Да? На «Ленфильме» на самом деле много великолепных режиссеров. Есть настоящие гранды — Сигарев, Овчарова, Дубровина, Евтеева, Черных, Бортко, Мельников...



Свита и ближайшее окружение императора Хирохито (имя и лицо актера, сыгравшего самого императора, публика пока не увидит)

«ты делаешь так не потому, что ты такой заумный, или такой эгоист, или такой высокомерный»

В Венеции был удален — признаюсь, неприятно, — когда посмотрел последний фильм Светланы Проскуриной «Чайный доктор». У меня было ощущение ложки полезных остатков коммуникации между режиссером и зрителем: по принципу «мы вам не нужны, так и сам без вас обойдемся». Вы только что сказали, что чувствуете себя повинным в грехе (если, конечно, считать это грехом) пренебрежения к публике, к зрителю?

Это очень серьезный вопрос. Я сразу хочу сказать, что Светлана сделала серьезную работу, и такие фильмы складываются по внутренним побудительным мотивам. Режиссер не может все время отслеживать. Ты делаешь так не потому, что ты такой заумный, или такой эгоист, или такой высокомерный. У тебя просто так складывается, так идет.

Но вы сетуете на то, что люди недостаточно высоко оценили, что вы делаете...

Я не жалуюсь, я говорю об этом как о факте. Совершенно необязательно, что он меня огорчает. Нет, значит, нет. Я слишком незначительное существо в жизни, чтобы не учитывать, что это вполне может быть кому-то не по плечу.

Куда интересное резонанс от художественного высказывания, чем от любого, даже самого откровенного, интервью. Для этого время нужно. Критерий — только время. Кому-то понравится картина Светланы, а через некоторое время, может, она останется, а «Русского ковчега» не будет. Там у нее такие особенные человеческие натуры! Ценность — в поиске эмоций. А Бродский тоже не публичен. Художественное высказывание — больше противоречий, чем в «Хованщине», с точки зрения сюжета трудно найти. Там есть ваши друзьяприятели, которые трудно во что-то складываются. Вокруг российского искусства XX века много наслоений послереволюционного толка, и мне это не очень нравится. Так же, как мне не очень нравится, когда делаются излишние акценты на религиозно-православной мотивации. Совсем не нравится. То же самое, как в еврейской теме, когда все сваливается в кучу, и страшная трагедия народа превращается в заработок для американских удачливых кинорежиссеров. На самом деле их не волнует жертва народа. С религией в искусстве надо обращаться нежно.

Все же православие сейчас в России в другом положении — это своего рода «правящая религия»...

Самым правильным в этой ситуации была бы такая позиция: пусть государство сказ-ка-ет, что это возможно, оказать воздействие на решение таких вопросов, но не политически, потому что в вопросах политических каждый человек ответственен, и мне никто не слушает. Что бы я ни говорил по вопросам национализма, фашизма ухо, а никогда не слышал никакой обсуждения рефлексии на эту тему. Я не чувствую, что являюсь человеком, чье мнение влияет на общественное мнение. Я частное лицо, которое занимается каким-то тем же кинематографом, каким-то автором кино, которое в России на самом деле мало кто видит и ухо.

Ну, это не правда.

Правда, правда, правда... Поэтому чем говорить, что как режиссер я должен воздействовать на политику, лучше скажу, что могу участвовать только в конкретных судьбах людей — мне не жалко времени.

Возьмем «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура: смотря его, я в основном думал о невозможности сделать такой фильм в России, на российском материале. Вы же в том числе и документалист. Вам не было бы в порядке эксперимента любопытно сделать что-то подобное? Вы ведь, кстати, делали картину с участием Ельцина... А про Путина не хотите?

Мне было бы это совсем не интересно. Механизмы этих проблем в Штатах и у нас все различаются. Степень откровенности цинизма, с которым совершаются какие-то

«с религией в искусстве надо обращаться нежно»

Ваше исследование будет продолжено в постановке двух опер, посвященных, в сущности, сходной теме — природе, власти в России, — которые вы будете ставить в «Ла Скала» и Большом, «Хованщине» и «Борисе Годунове»?

Для меня сферы с точки зрения этой темы дифференцированны. В контексте власти вы амбиций Бориса Годунова мне очень интересна. Там есть городок более ваше ныв вещи, выраженные в музыке — в гармонии. Там есть страсти, которые ваше этого разделения властного. К тому же русские размышления о власти — это не симфонический оркестр, это какие-то отдельные истерические вскрики, отдельные жутковатые и трагичные коллизии.

То есть опера для вас выше литературы и кино?

Когда мы говорим об оперной форме, для меня здесь другие законы нечинают работать. Вопросы гармонии, жизнь самого автора, парадоксы сюжета... Большая противоречий, чем в «Хованщине», с точки зрения сюжета трудно найти. Там есть ваши друзьяприятели, которые трудно во что-то складываются. Вокруг российского искусства XX века много наслоений послереволюционного толка, и мне это не очень нравится. Так же, как мне не очень нравится, когда делаются излишние акценты на религиозно-православной мотивации. Совсем не нравится. То же самое, как в еврейской теме, когда все сваливается в кучу, и страшная трагедия народа превращается в заработок для американских удачливых кинорежиссеров. На самом деле их не волнует жертва народа. С религией в искусстве надо обращаться нежно.

Все же православие сейчас в России в другом положении — это своего рода «правящая религия»...

Самым правильным в этой ситуации была бы такая позиция: пусть государство сказ-ка-ет, что это возможно, оказать воздействие на решение таких вопросов, но не политически, потому что в вопросах политических каждый человек ответственен, и мне никто не слушает. Что бы я ни говорил по вопросам национализма, фашизма ухо, а

Александр Сокуров: «Я знаю, что мне нужно, — как-то очень четко это представляю, поскольку здесь я сам оператор и режиссер» (на съемках фильма «Солнце»)

просвещенный милитарист

**Главный герой фильма «Солнце» император Японии Хирохито, прямой потомок богини солнца Аматэрасу, родился в 1901 году, у же в 1926 году взошел на престол, получив тронное имя Сёва («просвещенный мир»). Ровесник века, он находился на троне более 60 лет; вплоть своей до кончины. 7 января 1989 года, — почти рекордный срок для ведущей многовековую историю японской императорской династии. За время правления Хирохито Япония успела стать одной из ведущих колониальных держав, развязать войну против США и Великобритании, оккупировать земли, значительно превосходящие собственную территорию (около 7 миллионов километров с населением более 500 миллионов человек), заставить потерять свои приобретения и капитулировать. Как верховный правитель страны Хирохито несет ответственность за кровавую резню в Нанкине в 1937 году, за нападение на Перл-Харбор в 1941 году, а также за миллионы жертв военных действий в Юго-Восточной Азии. 17 августа 1945 года Хирохито подписал капитуляцию Японской империи, а 1 января 1956 года публично отказался от статуса «живого бога» (этому событию посвящен фильм Сокурова). Это было зафиксировано в конституции 1947 года, в соответствии с которой император признавался «символом государства и единства народа». После этого Хирохито отдалился от управления страной, посвятив себя научным занятиям и семейной жизни.

А если бы пригласили в Голливуд, пошли бы?

Если есть гарантия серьезной работы — почему нет.

То вашим словам, кино есть борьба индивидуальной воли с объективными обстоятельствами. Когда вы смотрите законченную картину, вам чаще кажется, что триумф воли состоялся или что он не удался?

Когда картина закончена — в любом случае состоялся. Дважды у меня задумывался фильм не был снят: когда мы давно с Юрием Арабовым задумывали фильм Silentium по Тютчеву, и год назад, когда мы за день до съемок остановили фильм по Чехову — нас обманули с деньгами. Кавардак такая должна была быть....

Вам бы давно пора снять комедию.

На самом деле, очень должна была быть смешная картина. Задача режиссера — наче дело, ответственно выполнить его. У меня вот никогда не было конфликтной зоны с продюсерами: у нас общие задачи. В механизмах не должно быть притирки, машина должна ездить. Из этого состоит профессиональная работа режиссера, а не из демонстрации его художественного своеобразия — шарф, берет, дымчатые очки-стекляшки... Ты должен создать машину, которая двигается и живет, а не стоит. Это притянная работа.

То есть вы о себе скорее готовы говорить как о профессионале, а не как о художнике?

Да. Я — профессиональный работник. Не больше.

Редакция выражает благодарность за содействие в организации интервью и предоставленные материалы киностудии «Невта-фильм» и лично Сергею Шолохову

› 4 ст стр

«Солнце» ведь не будет таким фильмом?

Нет, у нас другое содержание. Эпизод с разрушением города — не главный. Но с точки зрения этики, особенно обращенной к стороне японского народа, аспект этот важен. Не хотел бы здесь совершить ошибку.

То есть вы боитесь, что такой риск есть?

Нет, нет, это исключено: я сознанию давно занимаюсь этой картиной, много нет готовлось к ней. Мы сделали все, чтобы этого не было.

Какие этапы еще предстоит пройти, прежде чем картина будет закончена?

На сьемочной площадке мы заложили только грунт; само изображение будет создаваться в ноябре, когда мы будем работать в Москве. Там будет складываться изображение, которое мне нужно, а в знаю, что мне нужно. Как-то очень четко это представляю, поскольку здесь я сам оператор и режиссер. После этого можно будет сказать, что художественное качество заложено. Мне необходимо максимально выполнить именно художественную задачу. И переживись, запись музыки — это вчера. У нас еще длинный путь. Фильм будет готов из второй половине января, что бы ни случилось. Мы никогда не отступаем от определенных правил в наших отношениях с продюсерами, мы никогда не подводили продюсеров — этого не было и не будет, и надеюсь. Сроки, названные продюсером, — закон. Над фильмом работает серьезная продюсерская группа — Игорь Калеев («Николай-фильм»), с которым мы делали уже второй фильм, Андрей Сигле (Proline-film), Ирина Малер (Doinitza Pictures). Некоторое время назад к этой группе подключился телеканал СТС, благодаря чему фильм увидит российская телеаудитория.

Кто будет музыку писать?

Музыку будет писать. Может быть, и Вагнер, и Малер, и Рахманинов. Фрагменты произведений для японского музыкального инструмента шо. Я не могу сказать, что этот фильм нуждается в большом музыкальном пространстве... Это тихая картина, с тишиной. Музыкальное решение для меня будет сложным. Будем специально записывать музыку. Будем работать с композитором Андреем Сигле — он же один из продюсеров, мы много работали и раньше.

Как дальше будет развораачиваться интрига с именем и лицом актера, исполнителя в фильме главную роль — до сих пор имя не разглашалось, а лицо не показывалось, поскольку в японской традиции не принято играть роль императора? Ведь рано или поздно придется показать лицо и обозначить в титрах имя...

Мне кажется, что наша картина — слишком скромная, чтобы вокруг нее как-то плескать. Она слишком скромная и слишком серьезная для этого. Явление фильма — это явление готового фильма, и явление актера должно произойти в художественно свершившемся факте. В практике исполнительского искусства Японии нет таких прецедентов, чтобы кто-то в игровой форме исполнял роль императора. При этом в документальном кино сам император Хирохито был снят, и эти съемки известны. Актер, конечно, будет назван в титрах, когда картина будет готова.

Последствий не будет никаких?

Я думаю, что нет. Мне просьба не называть актера и не суетиться вокруг него сказана только с тем, чтобы дать вы возможность спокойно работать. Надо сделать картину. Возможно, раздраженная реакция некоторых людей и последует. В свое время когда Осима мне говорил, что за элементарные попытки выказывать критически об империи

одинокий голос режиссера

Александр Николаевич Сокуров родился 14 июня 1951 года в деревне Подорвиха Иркутской области. Окончил в 1979 году исторический факультет Горьковского государственного университета, а в 1979-м — режиссерский факультет ВГИКа. Работал сначала монтажером на Горьковском телевидении, затем (с 1980-го) — режиссер студии «Ленфильм». Первые фильмы Сокурова — документальный «Мемуары» и художественный «Одинокий голос человека» по мотивам рассказа Андрея Платонова «Река Потудань» — были сняты в 1978 году, а полные впервые были показаны зрителям лишь спустя 12 лет. Двойственная фигура: два разных творческих лица режиссера — документальный и художественный. Уникальный визуальный стиль картин режиссера и его склонность к философской постановке самых серьезных проблем сделали Сокурова одним из ведущих режиссеров современного авторского кино. Сокуров снял более сорока игровых и неигровых, полно- и короткометражных картин, многие из которых признаны отечественными и зарубежными кинообзорами выдающимися. Среди самых известных — «Спаси и сохрани» (1989), «Круг второй» (1990), «Духовные голоса» (1995), «Мать и сын» (1997), «Русский ковчег» (2002). С 1998 года работает вместе с постоянным сценаристом Юрием Арабовым над циклом, посвященным разным обличиям власти: фильм о Гитлере «Молох» (1999), фильм о Ленине «Телец» (2000), сейчас в производстве фильм о японском императоре Хирохито — «Солнце». Сокуров — лауреат множества фестивалей, в том числе локарнского («Бронзовый леопард» за «Одинокий голос человека») и каннского (приз за сценарий — «Молох», приз ФИПРЕССИ — «Отец и сын»). Живет и работает в Петербурге.